

А. М. СЕЛЕЗНЕВ
СООТНОШЕНИЕ ПОНЯТИЙ
«СОЦИАЛЬНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ» И
«ФОРМАЦИЯ»

Человеческое общество, представленное в каждый данный момент множеством разнообразных социальных организмов, в своем развитии претерпевает как эволюционные, так и революционные изменения. И тот и другой аспекты постоянно протекающего обновления всемирно- исторического процесса с учетом современного состояния социальной философии могут быть объективно истинно освещены, если при этом принимаются во внимание, по крайней мере, три уровня этого процесса. Во-первых, уровень наиболее глубокий, который обнаруживает себя как общее и выражается в смене как основных стадий общественного развития — общественно-экономических формаций, так и стадий промежуточных, межформационных — общественно-экономических революций; во-вторых, уровень особенного, который обнаруживает себя в возникновении, сосуществовании и радикальной трансформации локальных цивилизаций; в-третьих, уровень единичного, который проявляет себя в появлении, существовании, исчезновении или трансформации неповторимых по своей специфике отдельных социальных организмов вполне определенной формационной или цивилизационной принадлежности.

В своих выводах о поступательности общественного развития, о закономерном восхождении общества с низших стадий на высшие социальная философия стремится опереться на прочный фундамент всех общественных наук и прежде всего на тот установленный ими неоспоримый факт, что каждая качественно новая ступень развития производительных сил требует соответствующего себе качественно нового экономического и политико-правового устройства и столь же радикального обновления духовной жизни.

При характеристике общественно-экономической революции как межформационной стадии во всемирно-историческом процессе необходимо обращать внимание прежде всего на то, что эта стадия представляет собой период сосуществования, по крайней мере, двух укладов. В начале этого периода новая, становящаяся формация представлена в лоне старой формации в виде особого общественно-экономического уклада, а в его конце в

качестве подчиненного уклада в рамках новой формации выступает уже старая формация. Конечно, какое-то время в условиях межформационной стадии в тот или иной момент может сложиться и складывается известное равновесие, но важно подчеркнуть, что двухукладность, а то и многоукладность общественной жизни — это существенная черта общественно-экономической революции как объективной стадии всемирно-исторического процесса.

Так, где бы ни происходил процесс революционного превращения феодализма в капитализм, его первейшей материальной предпосылкой являлось появление в феодальной стране капиталистического уклада, причем, что сразу же надо отметить, первоначально в течение XV — XVIII столетий на той материально-технической базе ремесленного производства. Материально-техническую базу в виде фабрично-заводского машинного производства капиталистический способ производства получает далеко не сразу. Для того чтобы появился зрелый индустриальный капитализм, сначала капиталистический уклад должен был некоторое время просуществовать в виде капиталистической простой кооперации и капиталистической мануфактуры. Хорошо известно, что и в рабовладельческом Риме, и в крепостнической России существовало мануфактурное производство, но ни в том, ни в другом случае оно не послужило предпосылкой индустриальной революции. Только мануфактурное производство, основанное на капиталистическом предпринимательстве, могло создать необходимые условия для промышленного переворота, а затем и этот переворот, в свою очередь, создал условия для всемирно-исторической победы капиталистического способа производства.

Когда некоторые наши теоретики говорят о первом, втором и третьем эшелонах стран, в разное время вступавших на путь капитализма, они, как правило, обращают (и не могут не обратить) внимание на то, что длительность межформационной капиталистической общественно-экономической стадии существенно зависит от того, начинает ли формироваться капиталистический уклад в стране до начала эпохи индустриальной революции, или его формирование стимулируется внедрением фабрично-заводского машинного производства. Не секрет, что на сегодняшний день есть немало стран, которые вступили на путь капитализма значительно позже первых европейских стран, но уже в XX в. существенно обогнали их по ряду важнейших экономических показателей, быстрее начали осваивать достижения, связанные с современным технологическим переворотом.

Сказанное о зависимости сроков формирования капиталистического уклада в недрах феодализма и превращения его в господствующий способ производства от хода индустриальной и в какой-то мере, если брать современные азиатские, африканские и латиноамериканские страны, от темпов технологического переворота, конечно, создает некоторые затруднения при определении того, является ли данная страна собственно капиталистической или она все еще находится на межформационной революционной стадии движения от феодализма к капитализму. Но не будем забывать, что понятия «формационная стадия» и «межформационная стадия» — это предельно абстрактные понятия, которые крайне необходимы в качестве методологического ключа, как бы открывающего перед нами дверь всемирно-исторического процесса, это абстракции, которые важны для объяснения существенных сторон общественного прогресса, но именно в силу своей предельной абстракции они не могут использоваться в качестве ярлыков, произвольно навешиваемых на тот или иной конкретно-исторический период вполне конкретной страны.

В одном существенном пункте сходный характер с капиталистической общественно-экономической революцией носит и революция, связанная с переходом от первобытнообщинного к классово-антагонистическому строю. Действительно, классово-антагонистический уклад возникает, как и капиталистический, в лоне предшествующей, и данном случае первобытнообщинной, формации. Отличие же — и немаловажное — заключается в том, что производственная, в данном случае сельскохозяйственная (неолитическая) революция не следовала за возникновением классово-антагонистического, рентного уклада, как это случилось с капитализмом, а предшествовала или, скорее, сопутствовала складыванию рентного уклада хозяйства. Опять-таки сроки данной межформационной общественно-экономической революции в каждой стране и в каждом регионе были различны. Одно дело — первые классовые общества Передней Азии и Северной Африки, где прибавочный продукт в районах орошаемого земледелия начали получать, используя преимущественно каменные или костяные орудия производства, а другое дело, когда прибавочный продукт, порождающий возможность эксплуатации, в Центральной, а тем более Северной Европе, т. е. в принципиально новых природных условиях, появился тогда, когда появилась возможность использовать орудия производства, изготовленные из железа.

В теории общественно-экономической революции с самого начала ее становления наибольшую долю гипотетичности содержали в себе тезисы об антирабовладельческой революции. Тот факт, что замена античного рабовладельческого способа производства феодальным носила прогрессивный характер, никогда не вызывал сомнений. Сомнения возникали тогда, когда ученые ставили вопрос, а сопровождается ли переход от античности к средневековому феодализму переворотом в производительных силах, равнозначным по своим историческим последствиям сельскохозяйственной революции VIII тыс. до н. э. и промышленной революции конца XVIII — начала XIX в. Никаких доказательств наличия такого переворота в Европе в III—IV вв. историческая наука не могла и не может найти. Ф. Энгельс в своей работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства» (1884 г.), учитывая заметки К. Маркса на книгу Л. Моргана «Древнее общество» (1877 г.), со всей определенностью констатировал, что античное общество на территории Западной Римской империи находилось к моменту его завоевания варварскими германскими племенами в состоянии глубочайшего экономического упадка, причем данные завоевания еще больше углубили этот упадок. Феодальный же уклад хозяйства, хотя и формировался не без влияния обломков античного рабовладельческого строя, но появлялся прежде всего как результат разложения первобытнообщинного строя варварских германских племен. Иными словами, характеризовать стадию замены рабовладельческого строя на территории Западной Римской империи феодальным, несмотря на всю его прогрессивность с всемирно-исторической точки зрения, в качестве стадии революционного восхождения с низшей стадии на высшую никак нельзя.

Античная рабовладельческая цивилизация в Западной Европе в IV—V вв. не трансформировалась в феодальную, подобно феодальной цивилизации в капиталистическую в XVI—XVIII вв., а погибла. Взгляды Ф. Энгельса на этот исторический сюжет затем всесторонне были подтверждены исторической наукой, что не мешало, к сожалению, советским историкам в течение десятилетий «доказывать» тезис об антирабовладельческой революции в Европе в IV—V вв. как естественно-историческом процессе перехода от низшей формации к высшей.

Естественно, что теория общественно-экономических революций, как и любая другая научная теория, с самого начала несла в себе элементы гипотетичности, часть которых со временем подтвердилась, а другая нет. В то же время со всей

определенностью следует заявить, что в ней и в настоящее время содержится немало гипотетического, ведется серьезная полемика по ряду весьма существенных ее положений. Без этого, собственно говоря, эта теория не смогла бы преодолеть груз догматизма, который довлел над ней много десятилетий.

Напомним, что с середины 1840-х гг., когда К. Марксом и Ф. Энгельсом было открыто материалистическое понимание истории, и до середины 1890-х гг., когда были опубликованы последние социально-философские работы Ф. Энгельса, трактовка основоположниками марксизма категорий «общественно-экономическая формация» и «конкретно-историческая цивилизация», а также соотношения между этими категориями претерпевали серьезные изменения.

До начала 1850-х гг. в трудах Маркса и Энгельса, о чем свидетельствуют их основные произведения 1840-х гг. — «Немецкая идеология», «Манифест коммунистической партии», «Наемный труд и капитал», еще отсутствует упоминание о первобытнообщинном строе. Так, в 1849 г. Маркс в работе «Наемный труд и капитал» писал: «Античное общество, феодальное общество, буржуазное общество представляют собой такие совокупности производственных отношений, из которых каждая вместе с тем знаменует собой особую ступень в историческом развитии человечества»¹. Маркс и Энгельс, конечно, и тогда знали о существовании общины и общинной собственности, но рассматривали их не как наследие бесклассового общества, а как компонент античного и феодального обществ.

Во второй половине 1850-х гг. Маркс на основании глубоких исследований, нашедших свое выражение в «Экономических рукописях 1857—1858 годов», приходит к выводу, что античному рабовладельческому обществу стадильно предшествовало первобытнообщинное общество, которое он в силу наибольшей для того времени изученности общинного строя на примере азиатских стран, прежде всего Индии, назвал азиатским обществом (азиатским способом производства, азиатской формацией). Это открытие было зафиксировано Марксом в 1859 г. в Предисловии к работе «К критике политической экономии» в перечне способов общественного производства, сменявших друг друга на протяжении человеческой истории. «В общих чертах, — пишет здесь Маркс, — азиатский, античный, феодальный и современный, буржуазный, способы производства можно

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 6. С. 442.

обозначить, как прогрессивные эпохи экономической общественной формации. Буржуазные производственные отношения являются последней антагонистической формой общественного процесса производства, антагонистической не в смысле индивидуального антагонизма, а в смысле антагонизма, вырастающего из общественных условий жизни индивидуумов...»²

В данном случае, констатируя как безусловный факт открытие Марксом первобытной формации на основе довольно ограниченного эмпирического материала, следует признать, что, если принять во внимание отрывок из «Критики политической экономии (черновой набросок 1857 — 1858 гг.)», известный под названием «Формы, предшествующие капиталистическому производству»³, то каждая из перечисленных Марксом докапиталистических формаций представляет собой не только особую социально-экономическую стадию на лестнице прогрессивного восхождения общества, но и ветвь, конкретно-историческую линию общественного развития, обусловленную особенностями исходных — азиатской, античной и германской — разновидностей племенной (общинной) собственности, которые базировались, по существу, если иметь в виду уровень развития производительных сил, на одной и той же материально-производственной основе. Поскольку особенностями этих разновидностей племенной (общинной) собственности Маркс объясняет отличие трех конкретно-исторических линий в развитии человеческого общества: азиатской, античной и феодальной, — то можно предположить с большой долей вероятности, что в обеих своих работах — и в работе «Формы, предшествующие капиталистическому производству», и в Предисловии «К критике политической экономии» — при перечислении докапиталистических формаций К. Маркс еще не строго различал понятия «формация» и «цивилизация»; рабовладельческая формация идентифицировалась им с античной, греко-римской цивилизацией, феодальная формация — со средневековой западноевропейской цивилизацией, а азиатская формация в ее восточно-деспотическом варианте — с восточными цивилизациями, существовавшими до эпохи и в эпоху капитализма. Тем более что указать на качественное отличие

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 13. С. 7—8.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 46. Ч. 1.

ступеней развития производительных сил, лежащих в основе каждой из этих названных формаций, он еще не мог.

Предположение относительно фактической тождественности употребления Марксом понятий «античная формация» и «античная цивилизация», на наш взгляд, подтверждается неоднократным сравнением Марксом в «Капитале» последствий обезземеливания крестьянства в античном Риме и феодальной Англии. Обращая внимание на существенное различие этих последствий, К. Маркс в «Письме в редакцию «Отечественных записок» пишет: «Глава о первоначальном накоплении претендует лишь на то, чтобы обрисовать тот путь, которым в Западной Европе капиталистический экономический строй вышел из недр феодального экономического строя. Она изображает, таким образом, исторический процесс, который, отделяя производителей от их средств производства, превращает первых в наемных рабочих (пролетариев в современном смысле слова), а владельцев средств производства — в капиталистов»⁴.

Из этого тезиса Маркса логично следует вывод, что возникновение капитализма является переломным моментом в развитии западноевропейской цивилизации, поднимающей ее на более высокую ступень прогресса и радикально преобразовывая ее.

Другим был путь развития античной цивилизации, и переломная веха в ее развитии носила принципиально иной характер. Возражая против превращения своего исторического очерка «Возникновение капитализма в Западной Европе» в историко-философскую теорию о всеобщем пути, по которому роковым образом обречены идти все народы», К. Маркс указывает: «В различных местах «Капитала» я упоминал о судьбе, постигшей плебеев Древнего Рима. Первоначально это были свободные крестьяне, обрабатывавшие каждый сам по себе свои собственные мелкие участки. В ходе римской истории они были экспроприированы. То самое движение, которое отделило их от средств производства и существования, влекло за собой не только образование крупной земельной собственности, но также образование крупных денежных капиталов. Таким образом, в один прекрасный день налицо оказались, с одной стороны, свободные люди, лишенные всего, кроме своей рабочей силы, а с другой стороны — для эксплуатации их труда — владельцы всех приобретенных богатств. Что же произошло? Римские

⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 19. С. 119.

пролетарии стали не наемными рабочими, а праздною *чернью*, более презренной, чем недавние «белые бедняки» южной части Соединенных Штатов, а вместе с тем развился не капиталистический, а рабовладельческий способ производства»⁵.

Как видим, в данном случае античная цивилизация уже не предстает изначально рабовладельческой; она становится таковой лишь по достижении определенного рубежа в своем развитии. Как показала историческая наука, и рабовладельческий этап в развитии античной цивилизации также оказался не вечен; с течением времени он вступил в полосу кризиса.

По мере расширения своих познаний о фактическом ходе всемирно-исторического процесса Маркс и Энгельс обнаружили, что многие их положения относительно стадийности развития все еще носили гипотетический характер и относились не столько к характеристике общественно-экономических формаций, сколько к характеристике конкретно-исторических цивилизаций. Так, из Предисловия «К критике политической экономии» логически вытекало, что каждая из названных Марксом докапиталистических формаций должна была в своем классическом виде, в высшем пункте своей зрелости, отличаться от предшествующей прежде всего по достигнутой ступени развития производительных сил, или, иначе, по характеру своей материально-технической базы так же, как зрелый капитализм отличается от зрелого феодализма, а также порождать друг друга, как феодальная формация породила капиталистическую. Между тем с каждым десятилетием историческая наука накапливала все больше свидетельств о том, что по характеру материально-технической базы азиатская и средиземноморская античная цивилизации существенно не отличались от западноевропейской средневековой феодальной цивилизации, по крайней мере до XIV в., т. е. до того периода, когда в Северной Италии уже зарделась заря капиталистической эпохи. Все эти цивилизации в своей основе имели одну и ту же ступень развития производительных сил.

С другой стороны, согласно Предисловию «К критике политической экономии», следовало ожидать, что каждая из докапиталистических формаций должна была зарождаться в недрах предшествующей формации — феодальная в античной, а античная в азиатской, подобно тому, как капитализм зарождается в недрах феодализма. Между тем исторические исследования

⁵ Там же. С. 120-121.

поздней античности и раннего средневековья поставляли все больше данных, позволяющих утверждать, что западноевропейское феодальное общество возникло не в недрах античного общества, а на его обломках.

Что же касается азиатской формации, то ее можно было толковать и как первобытнообщинную, и как первую антагонистическую формацию. Если под ней подразумевать азиатскую антагонистическую формацию, то согласно исторической науке одни ее разновидности (Египет, Шумер и Аккад) предшествовали античному обществу, другие долгое время существовали параллельно с ним и сохранились после его гибели (Индия и Китай), третьи возникли после крушения античного мира (арабо-мусульманская цивилизация). Индийская, китайская и арабо-мусульманская цивилизации, будучи современницами не только западноевропейской феодальной цивилизации, но и западноевропейской капиталистической, так и не породили из своих недр ни той, ни другой. Застойный характер азиатского антагонистического общества на примере Индии Маркс достаточно глубоко охарактеризовал уже в 1853 г. в своей работе «Британское владычество в Индии»⁶.

Крупнейшей работой основоположников марксизма, в которой обосновывается учение об общественно-экономических формациях, является «Капитал» (1867 г.) К. Маркса. В «Капитале» Маркс представил капиталистическую формацию, с одной стороны, как тип общества, а с другой — как стадию общественного развития, предпосылки появления которой возникают в рамках низшего по сравнению с ней типа общества — феодализма, и которая, в свою очередь, подготавливает предпосылки идущей ей на смену более высокой коммунистической формации.

После появления в 1860—1870 гг. широких историко-этнографических исследований (это прежде всего капитальные работы Г. Л. Маурера «История сельского устройства в Германии» в двух томах, 1865—1866 гг.; М. Ковалевского «Общинное землевладение, причины, ход и последствия его разложения» (ч. 1), 1879 г.; Л. Моргана «Древнее общество», 1877 г.) К. Маркс и Ф. Энгельс вносят существенные уточнения и дополнения в перечень сменявших друг друга формаций и в само употребление понятий «формация» и «цивилизация». Они

⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 9. С. 130–136.

безоговорочно отказываются от термина «азиатская формация»⁷ для обозначения начальной, исходной в общественном развитии формации, а именно первобытнообщинной. В то же время, учитывая достижения этнографической и исторической науки 1860 — 1870 гг., они серьезно корректируют свои представления об особых линиях развития классово-антагонистических, докапиталистических обществ, возникавших в ходе разложения первобытнообщинного строя в разных регионах земного шара. Особенно выпукло эта корректировка выражена в написанных К. Марксом в 1881 г. «Набросках ответа на письмо В. И. Засулич» и в работе Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства».

В «Набросках ответа на письмо В. И. Засулич», к сожалению, не доведенных до конца, К. Маркс прежде всего обращает внимание на то, что первобытная община в своем естественно-историческом развитии проходит ряд стадий. Завершающей стадией развития первобытной общины и в то же время непременным условием ее разложения К. Маркс рассматривает земледельческую общину. Как показывает К. Маркс, этой земледельческой общине присуще внутреннее противоречие, «дуализм общественных связей». Это объясняется тем, что в ней уже «исключительным владением индивидуальной семьи» является дом с сельским двором, а пахотная земля, являясь по-прежнему собственностью всей общины, но в то же время подвергаясь периодическому перераспределению между членами общины, уже поступает в их временное владение; «каждый собственными силами обрабатывает отведенные ему поля и урожай присваивает единолично»⁸.

Поскольку частное присвоение прибавочного продукта в рамках земледельческой общины еще не связано с эксплуатацией чужого труда, то эта община принципиально противостоит всем обществам, основанным на эксплуатации. В то же время парцеллярный труд, как источник частного присвоения, «дает почву для накопления движимого имущества, например скота,

⁷ Однако само по себе понятие «азиатская формация» (К. Маркс нередко вместо него употребляет понятие «азиатский способ производства») несет в себе большой эвристический заряд для понимания особенностей эволюционных и революционных изменений стран азиатского, а затем, как выяснилось, африканского и американского континентов, для понимания отличия этих изменений как аспектов объективного всемирно-исторического процесса от того, как протекал этот процесс на европейском континенте.

⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 19. С. 418.

денег, а иногда даже рабов или крепостных»⁹. Вследствие этого, «помимо всякого рода разрушительных влияний, приходящих извне, община носит в своих собственных недрах элементы своей гибели»¹⁰.

В какой форме произойдет отрицание общинного строя эксплуататорским, зависит как от внешних, так и от внутренних условий его существования. Сама по себе земледельческая община, с точки зрения К. Маркса, обладает значительным запасом прочности и жизнеспособности. Однако при определенном сочетании внешних и внутренних воздействий она может послужить отправной точкой для превращения общинного строя в рабовладельческий или крепостнический. «Земледельческая община, будучи последней фазой первичной общественной формации, является в то же время переходной фазой ко вторичной формации, т. е. переходом от общества, основанного на общей собственности, к обществу, основанному на частной собственности. Вторичная формация охватывает, разумеется, ряд обществ, основывающихся на рабстве и крепостничестве»¹¹.

Если строго следовать тезису К. Маркса, высказанному в Предисловии «К критике политической экономии», что качественно определенная совокупность производственных отношений, составляющая экономическую структуру общества, определяется качественно особой степенью развития производительных сил, то первобытнообщинное общество, несомненно, представляет собой особую формацию, тогда как азиатское, античное и феодальное общества особыми формациями не являются, так как все они базируются на одной и той же материально-производственной основе — земледелии, скотоводстве и ремесле — и в этом отношении существенно друг от друга не отличаются. В то же время, если строго следовать тексту «Набросков ответа на письмо В. И. Засулич», то нельзя не сделать вывода о том, что рабовладение, крепостничество и другие формы внеэкономической зависимости и докапиталистической эксплуатации К. Маркс рассматривает как варианты социально-экономического развития в рамках одной и той же «вторичной формации». К. Маркс не называет эти варианты или линии развития цивилизациями, но термин этот сам собою напрашивается. Капитализм же, если опять-таки строго

⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 19. С. 419.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

следовать упомянутому тезису К. Маркса, действительно является особой, третичной формацией в общественном развитии, так как не только своим способом экономической реализации собственности на средства производства и способом эксплуатации отличается от докапиталистических антагонистических цивилизаций, но и своей материально-производственной базой — машинным, фабрично-заводским производством — качественно отличается от материально-производственной базы азиатского, античного и феодального обществ.

Нам представляется, что только рассмотрение Марксовых «Набросков ответа на письмо В. И. Засулич», его конспектов работ Г. Л. Маурера, М. Ковалевского, Л. Моргана, а также других этнографов и историков того времени в тесной связи с работой Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства» дает возможность по достоинству оценить значение в истории марксистской социально-философской мысли тех понятий, которые были впервые введены К. Марксом и Ф. Энгельсом в научный оборот на рубеже 1870—1880 гг. В данном случае мы имеем в виду такие понятия, как «первобытнообщинная (архаическая, первичная) формация», «вторичная формация», а также понятие «цивилизация», употребляемое не только для обозначения особого этапа в развитии человечества в отличие от этапов дикости и варварства, но и для обозначения особой ветви, особой линии общественного развития.

В «Происхождении семьи, частной собственности и государства» Ф. Энгельс, используя Марксовы конспекты книги Л. Моргана «Древнее общество», а также опираясь на собственные изыскания в этнографии, в истории первобытного общества, в истории Древней Греции и Рима и европейского раннего Средневековья (опубликованию этой работы Ф. Энгельса предшествует написание им таких работ, как «Марка», «К истории древних германцев», «Франкский период»¹²), впервые в марксистской литературе дает развернутую характеристику первобытнообщинной общественно-экономической формации.

Конечно, нельзя не заметить, что в тексте «Происхождения семьи, частной собственности и государства» Ф. Энгельс нигде не употребляет термин «общественно-экономическая формация». Это, конечно, не значит, что он отказался от его употребления. Во избежание недоразумений сразу же оговоримся, что этот термин Ф. Энгельс употреблял и до и после опубликования данного

¹² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 19. С. 327-345, 442-494, 495-546.

произведения. Укажем, в частности, на его письмо Конраду Шмидту от 5 августа 1890 года¹³.

Тем не менее отсутствие данного термина в работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства» невозможно оставить без каких бы то ни было комментариев. На наш взгляд, если не терминологически, то содержательно-формационное членение истории здесь присутствует. По своему характеру оно во многом напоминает формационное членение, произведенное К. Марксом в «Набросках ответа на письмо В. И. Засулич».

Одновременно нельзя не обратить внимание на то обстоятельство, что Ф. Энгельс в «Происхождении семьи, частной собственности и государства», подобно К. Марксу в «Набросках ответа на письмо В. И. Засулич», характеризует средиземноморское античное полисное общество и западноевропейское средневековое феодальное общество не только как стадии в рамках цивилизации в самом широком смысле слова, но и как особые ветви, линии исторического развития, или иначе, как особые локальные цивилизации.

Здесь, конечно, не может не возникнуть вопрос, почему бы Ф. Энгельсу в данной работе не рассмотреть и третью, азиатскую линию культурно-исторического процесса на примере одной из восточных цивилизаций. По нашему мнению, на этот вопрос можно ответить ссылкой на то, что в общей форме Ф. Энгельс это сделал в «Анти-Дюринге» (1877). Восточный деспотизм Энгельс рассматривает здесь в качестве специфически азиатской формы перехода от первобытнообщинного строя к классово-антагонистическому. «Древние общины, — пишет он, — там, где они продолжали существовать, составляли в течение тысячелетий основу самой грубой государственной формы, восточного деспотизма, от Индии до России. Только там, где они разложились, народы двинулись собственными силами вперед по пути развития, и их ближайший экономический прогресс состоял в увеличении и дальнейшем развитии производства посредством рабского труда»¹⁴.

Тем не менее важно отметить, что в работе Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства» достаточно обстоятельно выявлена одна обитая черта, равно

¹³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 37. С. 371.

¹⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20. С. 186.

присущая и средиземноморской полисной, и западноевропейской феодальной цивилизации, а именно: утверждение частной собственности на землю, чего не знали великие цивилизации, существовавшие до н. э. (египетская, вавилонская и персидская), а затем и великие цивилизации Востока — индийская, китайская и арабо-мусульманская. (Последняя, кстати сказать, как и западноевропейская феодальная цивилизация, отчасти также является наследницей античной цивилизации.). Частная собственность на землю в западноевропейских странах послужила одним из главных условий, содействовавших формированию капиталистического уклада хозяйства.

Развернувшаяся в 1960-х гг. в советском общество-знании дискуссия по вопросу об азиатском способе производства была вполне достаточной для того, чтобы окончательно прийти к выводу, что ни о каких особых общественно-экономических революциях как межформационных — в одном случае при переходе от предполагаемой азиатской формации к античной, а в другом — от предполагаемой античной формации к феодальной, речи быть не может. И в том, и в другом случае можно и нужно было говорить лишь об исторически — во времени и пространстве — различных вариантах одной и той же межформационной революции, связанной с переходом от первобытнообщинного строя к классово-антагонистическому, хотя несомненно, что во всемирно-историческом масштабе процесс смены одних цивилизаций другими представлял собой поступательную эволюцию, шел по восходящей линии.

На наш взгляд, весьма убедительными явились экономические исследования востоковеда В. П. Илюшечкина¹⁵, в которых он доказывает, что во всех тех обществах, которые мы называем азиатскими, рабовладельческими и феодальными, собственность на средства производства, способы соединения со средствами производства и формы эксплуатации являются лишь разновидностями одной и той же по своему характеру рентной собственности, одного и того же рентного соединения рабочей силы со средствами производства и одной и той же рентной эксплуатации. Представляется правомерным его предложение для обозначения всех этих обществ применять термин «рентная формация». Для обозначения же межформационной общественно-экономической революции при переходе от

¹⁵ См.: Илюшечкин В. П. Сословно-классовое общество в истории Китая (опыт системно-структурного анализа). М., 1986.

первобытнообщинной формации к рентной, вероятно, более приемлемого термина, чем термин «антипервобытнообщинная революция», в ближайшем будущем найти не удастся.

Что же касается революционного — именно в межформационном смысле — перехода от феодального способа производства к капиталистическому в западноевропейской цивилизации в XVI—XVIII вв. и от азиатского способа производства опять-таки к капиталистическому в восточных цивилизациях, но уже в XIX—XX вв., то в этом вопросе каких-либо существенных разногласий среди ученых в ходе споров по проблеме азиатского способа производства по сути дела не возникало. К этому времени европейстикой и востоковедением было накоплено уже достаточно сравнительных материалов, чтобы прийти к заключению, что в данном случае можно и нужно говорить лишь об одной и той же межформационной революции (с точки зрения ее конечных результатов), но эта революция выступала в двух существенно отличающихся друг от друга вариантах или ипостасях.

Если в западноевропейской феодальной христианской цивилизации капиталистическая общественно-экономическая революция протекала прежде всего в силу внутренних причин, в силу особенностей возникновения и развития самой западноевропейской цивилизации, если благодаря этим особенностям здесь на определенном этапе, а именно на рубеже XV—XVI вв., сложились условия для возникновения капиталистического уклада хозяйства, то и арабо-мусульманской, индийской, китайской и других Восточных цивилизациях аналогичные внутренние условия не сложились даже в XIX в., а в ряде стран — даже в первой половине XX в.

Объяснение такому ходу развития восточных цивилизаций следует искать в том, что на Востоке на стадии революционного превращения первобытнообщинной формации в рентную общественное разделение труда на труд управленческий и исполнительский, сельскохозяйственный и ремесленный, как правило, сопровождалось сосредоточением основных видов общественной власти — экономической, социальной, политической, военной, духовной — в руках одного или нескольких тесно связанных между собой сословий. Стихийность, незапамятность возникновения такой власти создавали ей видимость общественной, общегосударственной. Освящение такой коллективной власти на средства производства одного или нескольких сословий, сосредоточение в их руках основных рычагов распоряжения собственностью и властью

силой религиозных традиций ставило на пути восточных народов непреодолимые препятствия к распространению и утверждению частной собственности, к замене земледельческой общины соседской, к развитию как внешней, так в особенности и внутренней торговли. Заданная при возникновении той или иной восточной цивилизации динамическая тенденция к ускорению развития периодически сменялась тенденцией к замедлению. Через определенные промежутки времени тенденция к единению, кооперации различных видов деятельности разных социальных групп сменялась тенденцией к разъединению, отчуждению, социальному напряжению и классовой борьбе, в которой ни одна из противоборствующих сил не могла рассчитывать найти выход из тупика, в котором оказалась цивилизация.

Революционизирующим фактором, многократно ускорившим протекание общественно-экономической межформационной (капиталистической и антиазиатской одновременно, то есть разрушающей азиатский способ производства, создающей условия его трансформации в капиталистический) революции в этих странах явилось не столько торговое, сколько насильственное вторжение западноевропейского, а затем и американского капитала. Как это ни парадоксально звучит, но захватническая, грабительская, колониальная политика европейской, а затем и американской буржуазии в Азии, Африке и Латинской Америке, будучи мощным фактором первоначального накопления капитала, содействовала не только ускорению прогресса уже возникшего в Европе капиталистического уклада, но и его внедрению, в буквальном смысле слова, на всех континентах.

Процесс превращения феодального (европейского) и азиатского (восточного) способов производства в капиталистический, или, иначе, рентной формации в капиталистическую, занял в истории человечества значительный промежуток времени. Его начало обычно датируют рубежом XV—XVI вв., т. е. открытием Америки и океанического пути из Европы в Южную Азию, а завершение в основных чертах — серединой XX в., т. е. периодом развала колониальных империй и обретения независимости странами азиатскими, африканскими и латиноамериканскими, укрепления их экономической самостоятельности.

В 1980-е гг. все ведущие экономисты и социологи, анализируя ход развития капиталистической цивилизации (а именно она сейчас лидирует во всемирно-историческом процессе) в своем большинстве пришли к выводу, что человечество вступает в

эпоху технологического переворота, сравнимую по своим последствиям для всех сфер общественной жизни с последствиями сельскохозяйственной (неолитической) и промышленной революции.

И чем больше оборотов набирает новая революция в производительных силах, тем больше все сферы общественной жизни нуждаются в работниках, которые в процессе производства выполняют не только технологические функции, но и функции, которыми обычно характеризуют собственника средств производства, а именно: функции владения и распоряжения. Особенность переживаемого человечеством нового технологического переворота состоит в том, что он потребовал большей экономической свободы.